

Письмо Надежды Толоконниковой от 11 октября 2013 года

Вчера, в пятницу, 11 октября, ко мне впервые за две недели пустили адвоката. До этого я, начиная с ИК-14 и продолжив в ЛПУ-21, находилась в полной информационной изоляции. Медицинского запрета на контакты с людьми, на который ссылается ФСИН, у меня не было, потому что все это время я контактировала с сотрудниками этих учреждений. Из разговоров с высокопоставленными служащими тюремного управления мне было очевидно, что причины блокады совсем иные, никак не медицинского характера, но политического.

Я хочу объявить всем, кто имеет отношение к помещению меня в блокаду: если вы думаете, что без связи со своими товарищами я стану податливее и откажусь от выстраданных за время заключения взглядов на состояние мордовских лагерей, то вы грубо ошибаетесь. Когда вы давите на меня и нарушаете мои права, в том числе и законное право на встречу с защитой, то моя бескомпромиссность по отношению к ситуации в Мордовлаге лишь возрастает.

Спасибо тем, кто поддержал мой протест против беззакония в мордовских лагерях — циничного беззакония, прикрывшегося лозунгами экономической эффективности. Человек не может быть средством — он должен выступать в качестве цели. А запугивание и унижение не может быть методом воспитания и исправления человека.

С советских времен мордовские лагеря выступали для властей последним средством, которым они надеялись сломить волю политзаключенных, не раскаявшихся во время своих незаконных судилищ. Я рада, что хоть как-то могу изменить ситуацию в Мордовлаге сегодня, чтобы отобрать это пыточное орудие из рук государства. В память о Марченко и Галанкове — диссидентах, погибших в советских лагерях. Я горжусь ими.

Я благодарна адвокатам и моим оставшимся на свободе друзьям за то, что они продолжают распространять информацию о моем протесте. Не думаю, что кому-нибудь пришло бы в голову обвинять, скажем, Ларису Богораз в том, что она рассказывает людям о действиях Юлия Даниэля в Мордовлаге. Это и есть проявление элементарной гражданской и товарищеской этики.

Я благодарна правозащитным комиссиям, которые посетили ИК-14 после объявления голодовки. Я рада, что элементарная честность не дала даже тем, кто приехал туда с целью загладить преступления ФСИН, опровергнуть очевидное: грубые нарушения трудового законодательства и уголовно-исполнительного закона в ИК-14, на которые при всем желании невозможно закрыть глаза. Кто-то из них выслушивал меня внимательно, а кто-то, даже не представившись (позже я поняла, что это был гражданин Евгений Мысловский, бывший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры РСФСР), старался как можно скорее ретироваться, не желая принимать во внимание мои доводы и жалобы, больше полагаясь на показания лагерного начальства.

Меня оскорбил вывод некоторых членов президентского Совета по Правам Человека о том, что моя голодовка инициирована извне. Каким неуважением и пренебрежением ко мне надо обладать, чтобы сделать подобное заявление! Это мой срок, моя борьба, мои права, мое здоровье и моя жизнь. На стадии следствия, полтора года назад, я могла

отказаться от своей политической позиции и покаяться, как диссиденты Якир и Красин в 1973-ем, и выйти на свободу. Но ничто не заставит меня сделать это. Я выбрала путь последовательности и честности. И как теперь можно думать, что я позволю себе действовать по чужому сценарию, быть безвольной игрушкой в чьих-то руках?

Надеюсь на то, что правозащитные инспекции в Мордовлаге не ограничатся краткосрочным визитом в ИК-14. Я знаю, что нарушения прав человека происходят и в других колониях нашего лагерного управления. Я видела полные обреченности и тихого ужаса глаза женщин, выезжающих из ИК-2, женской колонии в поселке Явас, которая совсем рядом с моим бывшим лагерем. На «двойке», в отличие от ИК-14 (где администрация предпочитает наказывать неугодных руками осужденных), сотрудники колонии сами избивают осужденных, которые пытаются протестовать и сопротивляться режиму, и гнобят их в ШИЗО, где действуют только два аргумента: холод и те же побои.

Я обращаюсь к тем, кто заинтересован в соблюдении прав человека в России. Зоны — это тоже часть России. Более того, бытует убеждение, что тюрьмы — это лицо страны. Я хочу, чтобы в мордовской лагерной системе, с которой меня связала судьба, произошли серьезные изменения в лучшую сторону. Большинство осужденных не верит, что что-то можно поменять, и только поэтому они молчат. Многие не верят правозащитникам, комиссиям, тем более — прокурорским и УФСИНовским проверкам. Почему? Потому что проверка приезжает и уезжает, а мы, осужденные, остаемся у своего разбитого корыта. Нам нужна помощь правозащитников, готовых на долгую и серьезную работу.

Пока правдивые показания о положении дел в лагерях могут дать только осужденные-камикадзе, готовые к репрессиям. Неудивительно, что таких единицы. Я считаю, что реальная правозащитная деятельность может начаться лишь тогда, когда честные показания перестанут считаться героизмом. Нам, осужденным, нужна гарантия того, что на следующий день после отъезда комиссии «жалобщика» не начнут морально и физически убивать. Создание безопасных условий, безусловно, есть долг правозащитника, действительно уважающего себя и свою работу.

Постоянный контроль и гарантии безопасности — вот, что нужно создать в Мордовии в первую очередь. Только когда мы с вами добьемся этого, мы сможем приступить к расследованию того, что реально происходит в колониях. Я верю в то, что добиться улучшения условий жизни и труда осужденных здесь, в Мордовии, и по всей России - возможно. И я готова для этого сделать все, что в моих силах. Но моей веры и желания недостаточно. Мне очень нужна ваша помощь.

Заранее спасибо.

Лагерная больница ЛПУ-21
поселок Барашево, Мордовия
Надя Толоконникова
11 октября 2013 года

Источник: <http://lenta.ru/news/2013/10/12/letter/>